

Глава 28. Неужели этот чиновник — обольстительный демон?

— Сюньцзянь Тан.

В зале для совещаний Цзян Оу уже отклонялся и ушёл. Тан Шицзин собирался последовать его примеру, когда Еян Цы окликнул его.

Тан Шицзин обернулся:

— Господин, у вас есть ещё распоряжения?

Еян Цы поднялся с кресла и медленно подошёл к нему.

Слишком близко, настолько, что это нарушало привычную дистанцию в разговоре.

Выражение его лица было неуловимым, с оттенком лукавой усмешки. В этот миг казалось, будто все краски поздней весны — прерывающиеся дожди, остатки облаков, пьянящая зелень и алые цветы — сошлись в нём одном, обрушиваясь волной ослепительной красоты.

Тан Шицзин инстинктивно отступил на полшага и с невозмутимым видом произнёс:

— Господин, говорите прямо.

— Сюньцзянь Тан, вы помните, как я обещал написать столичному лекарю, чтобы заодно проконсультироваться насчёт вашего лицевого паралича? — спросил Еян Цы. — Ответ пришёл лишь через месяц. В то время вы были постоянно в разъездах, и мы почти не виделись. Только сейчас появилась возможность поговорить об этом. Хотите узнать, что было дальше?

— Не хочу, — отрезал Тан Шицзин. — Я не болен, просто от природы сдержан в проявлении чувств.

Еян Цы вскинул бровь и протянул руку, чтобы коснуться его виска и подбородка, но тот уклонился.

— Не стоит пренебрегать лечением, сюньцзянь Тан, — мягко проговорил Еян Цы. — Лекарь, которого я знаю, действительно мастер своего дела. Она говорит, что при лицевом параличе лучше всего помогает иглоукалывание, и даже поделилась со мной расположением точек и техникой. Я немного разбираюсь в медицине и могу бесплатно вас полечить. Гарантирую, что от первой же иглы будет заметен эффект, а после трёх вы сможете и плакать, и смеяться.

На губах Тан Шицзина промелькнула тень холодной усмешки:

— Я с рождения не люблю ни смеяться, ни плакать. Если у господина нет других распоряжений, я откланяюсь.

Еян Цы схватил его за руку:

— Шрам на вашей переносице, господин Тан, кажется, стал светлее.

— Старая рана понемногу заживает, со временем, возможно, станет ещё менее заметной, — ответил тот. — Господин, ваша наблюдательность поразительна, но, кажется, вы применяете её не по адресу. Чем я заслужил такое пристальное внимание... Ах, неужели господин вспылал ко мне какими-то чувствами?

Он, словно лодка против течения, резко шагнул вперёд, оказавшись так близко к Еян Цы, что они почти соприкасались носами.

— Такая благосклонность со стороны господина трогает меня до глубины души. Я, пожалуй, и не стану отвергать страсть обрезанного рукава.

Еян Цы тут же отпустил его руку и отпрянул за мгновение до того, как их губы могли бы соприкоснуться. Он невозмутимо вернулся в своё кресло и поднял чашку с чаем.

— Сюньцзянь Тан, вы меня неправильно поняли. Я лишь забочусь о своих подчинённых. Если вы не желаете лечиться, то к этому вопросу мы больше не вернёмся.

Тан Шицзин, воспользовавшись ситуацией, сложил руки в знак уважения:

— Благодарю господина за заботу. Я действительно не нуждаюсь в лечении. Кроме того, я хотел бы попросить у господина отпуск на пять дней.

— О? — удивился Еян Цы. — Сюньцзянь Тан впервые просит такой долгий отпуск. У вас какие-то неприятности? Может, нужна моя помощь?

— Не то чтобы неприятности. Умер мой дядя, который жил в округе Линьцин. У родни по материнской линии некому помочь, так что я должен поехать и помочь с похоронами. С учётом дороги на это уйдёт немало времени. Но скоро начнётся сбор летнего урожая, и я вернусь до начала сезона манчжун.

— Раз уж речь о трауре, то можно задержаться и на несколько дней. Сюньцзянь Тан, примите мои соболезнования, — с сочувствием произнёс Еян Цы.

— Благодарю за понимание, господин, — Тан Шицзин снова сложил руки и покинул зал для совещаний.

Еян Цы, держа чашку, проводил его статную фигуру тяжёлым, сосредоточенным взглядом.

— Ли Тань, — позвал он.

Юный слуга, ждавший у дверей, тут же вбежал:

— Хозяин.

— Когда сюньцзянь Тан пришёл на совещание, я велел тебе позвать Фан Юэ в кабинет. Он ещё там?

— Там. Я подал заместителю сюньцзяня хороший чай и сладости, а ещё дал ему самый сложный замок Лу Баня.

— Пойдём, — сказал Еян Цы, поднимаясь. — В кабинет.

В кабинете уездного судьи на столе стоял свежесваренный чай и блюдо со спелыми абрикосами.

Фан Юэ, закинув ногу на ногу, сидел на стуле и, почёсывая в затылке, пытался собрать замок Лу Баня. Во рту у него была половинка сочного жёлтого сяцзиньского абрикоса.

Еян Цы бесшумно вошёл и тихо спросил:

— Ну как, нравятся «шесть соединённых брусков»?

— Не нравятся! Слишком мудрёные, никак не собираются... — Фан Юэ резко поднял голову, и абрикосовая косточка выпала у него изо рта. — Господин уездный судья! — Он поспешно отложил головоломку и, сложив руки, поклонился.

Еян Цы жестом велел ему сесть и сам занял кресло напротив, через столик.

— Господин, зачем вы меня вызвали? — с удивлением спросил Фан Юэ. Делами патрульной инспекции уездный судья обычно занимался через Цзян Оу или вызывал на совещание самого Тан Шицзина. Обращаться к нему напрямую господину Еяну ещё не доводилось.

Но начальника патрульной инспекции вызвали раньше него, и он, вероятно, всё ещё был в зале для совещаний. Глядя на недовольное лицо Еян Цы, Фан Юэ предположил, что они, возможно, поссорились, и теперь его вызвали для расспросов.

И действительно, Еян Цы начал с поразительного заявления:

— Ваш начальник, Тан Шицзин, — настоящий наглец! Он посмел меня домогаться!

Фан Юэ обомлел. Он подумал, что этого просто не может быть. Даже если бы его начальник вдруг сменил свои предпочтения, он бы пошёл в весёлый квартал к юношам-куртизанам, а не стал бы приставать к уездному судье. Это было немыслимо ни с точки зрения службы, ни с личной!

— Господин, должно быть, произошло какое-то недоразумение. Сюньцзянь Тан не такой человек, — выпалил он.

— Я спрашиваю тебя, говорил ли он за моей спиной что-либо непристойное обо мне? — не унимался Еян Цы.

— Нет! Абсолютно нет!

— Говори смело, не бойся за своё положение. Он посмел оскорбить меня, неужели он думает, что и дальше будет занимать пост сюньцзяня?

— Правда, не говорил! — взмолился Фан Юэ. — Сюньцзянь Тан предан уездному судье и очень его уважает. Каждое моё слово — истина!

— Тогда что это за чушь он мне наговорил? «Такая благосклонность со стороны господина трогает меня до глубины души. Я, пожалуй, и не стану отвергать подобные чувства»?

Голос Еян Цы был суров, а слова — убедительны. У Фан Юэ выступил холодный пот.

— М-может быть, это было временное помутнение рассудка, — пробормотал он. — Ведь господин так... так...

Еян Цы ударил по столу:

— Значит, у него всё-таки были дурные намерения! Я-то думал, он скорбит по родственнику и от горя повредился в уме, а оказалось — помутнение рассудка! Постой, что-то в твоих словах не так... Что значит «помутнение рассудка»? Он видит меня, и у него мутится рассудок? Неужели этот чиновник — обольстительный демон?!

Фан Юэ захотелось дать себе пощёчину. Собравшись с мыслями, он сказал:

— Господин, успокойтесь, это я неуклюже выразился. Я имел в виду... траур, да, сюньцзянь Тан так убит горем, что потерял над собой контроль. Умоляю вас, господин, проявите снисхождение, учитывая его усердие и преданность службе.

Лицо Еян Цы немного смягчилось:

— Он сказал, что едет в Линьцин на похороны дяди и просил отпуск на пять дней. Ты ведь знаешь об этом?

— Знаю, знаю, — закивал Фан Юэ. — Я сам только вчера вечером узнал, что дядя сюньцзяня Тана скончался. Дядя — всё равно что отец, неудивительно, что он так убит горем и ведёт себя неадекватно. Прошу вас, господин, простите его.

Еян Цы вздохнул:

— Ладно, я не бесчувственный человек. Забудем об этом. Я ценю таланты и не хочу из-за личных проступков увольнять способного подчинённого. Пойди и вразуми его: язык мой — враг мой. Пусть впредь не позволяет себе подобных оскорбительных слов и действий.

Фан Юэ с облегчением вздохнул и, сложив руки, сказал:

— Господин, вы великодушны! Я благодарю вас от имени сюньцзяня Тана!

Еян Цы собрался было уходить, но обернулся и спросил:

— Дядя сюньцзяня Тана действительно умер? Вы не выдумали это, чтобы разжалобить меня?

— Чистая правда, — с твёрдостью в голосе ответил Фан Юэ. — Его родной дядя. Я сам видел его в конце прошлого года, он был уже при смерти.

Еян Цы кивнул и с ласковой улыбкой спросил:

— Абрикосы вкусные? Вчера только собрали.

— Вкусные! — закивал Фан Юэ. — Ароматные, сладкие, свежие!

— В них добавили лекарство, конечно, они вкусные, — улыбнулся Еян Цы. — А сейчас и снадобье должно подействовать.

Фан Юэ в ужасе вскочил, чтобы бежать, но мир поплыл у него перед глазами, и он рухнул на пол, потеряв сознание.

Еян Цы вышел из кабинета и приказал ждавшему у дверей Ломо:

— Свяжи его и присмотри.

Ломо кивнул и ударил себя кулаком в грудь.

Еян Цы быстрыми шагами направился к выходу из ямэня. Го Сысян, который только что вошёл во двор во главе нового отряда стражников, столкнулся с ним у стены-экрана.

— Мы прибыли по вашему приказу и ждём распоряжений, — сложив руки, сказал Го Сысян.

— Сысян, следуй за мной к южным воротам, — не сбавляя шага, бросил Еян Цы. — Схватить Тан Шицзина!

— Сюньцзяня Тана? — удивлённо спросил Го Сысян, спеша за ним. — Что он совершил?

— Сначала схватим, а после допроса всё станет ясно, — ответил Еян Цы.

Тан Шицзин, выйдя из ямэня, вскочил на коня и вернулся в патрульную инспекцию. Спешившись, он сразу направился в казарму, но, не найдя там Фан Юэ и расспросив дежурного, узнал, что, как только он ушёл, Фан Юэ вызвал к себе слуга уездного судьи.

Дотронувшись до угла челюсти, Тан Шицзин понял, что его маска дала трещину.

За последние полгода никто не усомнился в его лице, но Еян Цы был проницателен. Возможно, он начал подозревать его ещё во время засады на разбойников, а может, и раньше. Поэтому и написал столичному лекарю, чтобы под предлогом расспросов о болезни проверить свои подозрения, а получив ответ, снова отложил дело в долгий ящик.

Весь следующий месяц Еян Цы внимательно следил за его передвижениями, заметив, что тот под видом патрулирования часто выезжает за пределы уезда и бывает в Гаотане.

И только сегодня Еян Цы решил действовать, причём сразу по двум направлениям, захватив Фан Юэ.

Какое же у этого человека самообладание!

Тан Шицзин, мчась к воротам, лихорадочно соображал: почему именно сегодня? Раз он сначала решил его проверить, значит, у него не было веских доказательств. Так почему бы не подождать ещё? Дождаться подтверждения, а потом тайно расставить сеть и схватить — разве это не было бы надёжнее?

Выехав за ворота патрульной инспекции, Тан Шицзин вскочил на коня и поскакал во весь опор.

Внезапно его осенило — потому что сегодня он доложил Еян Цы о ремонте почтового тракта.

Причину ремонта дороги не знал даже сам Тан Шицзин, но Еян Цы мгновенно догадался обо всём. Он понял, что князь Гаотан скоро прибудет в Сяцзинь, и, опасаясь, что он передаст эту новость своим сообщникам, решил немедленно действовать.

«Он делает это ради князя Гаотана, Цинь Шэня!»

Тан Шицзин стиснул зубы и, взмахнув кнутом, погнал коня ещё быстрее. Впереди уже виднелись ближайшие к инспекции южные ворота.

Ворота с грохотом закрылись прямо перед ним. Го Сысян на коне, сжимая в руках недавно выкованный длинный клинок модао, преградил ему путь. За его спиной стояли стражники с натянутыми луками.

— Сюньцзянь Тан, — громко сказал Го Сысян, увидев его. — Уездный судья просит вас вернуться в ямэнь для важного разговора.

Тот натянул поводья. Его лицо было подобно изваянию, а взгляд — суров.

— Уездный судья отпустил меня в город на похороны. Прочь с дороги.

Го Сысян ухмыльнулся, и в его глазах заплясали искорки юношеского задора и безудержной отваги:

— На свои похороны, что ли? Не слушаешься приказа господина, не ценишь доброго отношения.

— Ты-то послушный, хороший пёс, — насмешливо бросил Тан Шицзин, ища возможность для побега. — Полай-ка для меня.

Го Сысян не разозлился, а лишь шире улыбнулся:

— Я — честный и порядочный человек, поэтому и слушаюсь господина Еяна. Что, завидуешь? Понимаешь, что лучше быть собакой у господина, чем прислужником у злодея? Не волнуйся, твою конуру никто не займёт. Если одумаешься, может, господин и простит тебя.

Тот был уже в двух чжанах от него. Выбрав момент, он резко вскинул руку.

Под его запястьем был закреплён небольшой самострел. Стоило нажать на спуск, как пять отравленных стрел, пробив рукав, вылетали наружу. Даже царапины было достаточно, чтобы

на время свалить с ног опытного бойца.

Увидев летящие в лицо стрелы, Го Сысян молниеносно среагировал. Крепко сжав поводья, он соскользнул с седла, зацепившись носком за стремя, и чудом увернулся.

Стрелы с глухим стуком вонзились в ворота. Стражники инстинктивно обернулись. Беглец, воспользовавшись моментом, вскочил на спину коня, выбросил из рукава крюк-кошку на верёвке, зацепил его за зубец стены и взлетел вверх. Отталкиваясь ногами от камней, он уворачивался от летящих сзади стрел и в несколько прыжков достиг вершины стены.

Из-за зубца стены вырвался вихрь меча — могучий, как штормовой ветер, и, казалось, способный затмить небо.

Сердце Тан Шицзина внутренне содрогнулось.левой рукой он провернул ножны, словно щитом отбив удар, а правой тут же выхватил клинок и нанёс рубящий удар.

Порыв ветра от его клинка взметнул волосы и одежду противника, и тот, отразив удар, предстал перед ним во весь рост!

Зрачки Тан Шицзина сузились. Клинки столкнулись, высекая сноп искр.

Искры погасли так же быстро, как и вспыхнули, но их сияние, подобно солнечному ореолу, на мгновение ослепило его.

Когда зрение вернулось, он увидел завораживающие глаза Еян Цы. Длинные ресницы были слегка опущены, уголки глаз — приподняты. Когда в них отражалась нежность, они были подобны осенним водам, когда же в них вспыхивал гнев — они становились холодными, как ледники.

— При первой встрече ты проверял моё боевое искусство, — раздался совсем рядом холодный голос судьи. — При второй — спрашивал, ношу я саблю или меч. Ну что, теперь ты нашёл ответ?

— Это не твой меч, — глухо произнёс Тан Шицзин. — Слишком обычный, он не ровня твоему искусству.

— Взаимно, — ответил Еян Цы. — Ты тоже используешь не свой клинок.

Они одновременно надавили на оружие и, отброшенные силой отдачи, отступили на два шага.

Остриё его меча было направлено противнику в переносицу и не дрожало.

— Ты сам снимешь маску, или мне помочь?

Пальцы Тан Шицзина, сжимавшие рукоять клинка, онемели. Он знал, что проиграл. В поединке мастеров исход решает тонкая грань, но иногда эта грань — непреодолимая пропасть. Если бы он сражался своим клинком Минхун, у него было бы шесть-семь шансов из десяти на победу.

А какой же тогда настоящий меч Еян Цы? Если бы тот сражался своим оружием, сколько шансов осталось бы у него?

Тан Шицзин глубоко вздохнул. Отступить или нападать, сдаваться или бежать — он должен был сделать выбор прямо сейчас.

Ему редко приходилось делать выбор, потому что ни выгода, ни страх, ни желания, ни справедливость, ни мораль не могли повлиять на него. Он действовал, почти не руководствуясь какими-либо чёткими принципами.

Точнее, если они и были, то это было его переменчивое настроение.

Он был соткан из изменчивой лжи, подобно блуждающему туману. Куда дул ветер в его душе, туда и плыл туман. А причиной этого ветра, его первым дуновением, возможно, было...

— Занятно, — легкомысленно бросил он. — Господин Еян, а вы и вправду занятный человек.

<http://bllate.org/book/15875/1442385>